

H. C. ANDERSENS
EVENTYR OG HISTORIER

Иллюстрация к сказке «Дикие лебеди»

Ганс Христиан Андерсен

Все сказки Г.Х. Андерсена

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ**

Москва
2024

УДК 821.113.4-34
ББК 84(4Дан)-44
А65

Перевод *Анны и Пётра Ганзен*

Андерсен, Ганс Христиан.

А65 Все сказки Г. Х. Андерсена : полное собрание в одном томе / Ганс Христиан Андерсен ; перевод А. и П. Ганзен. — Москва : Эксмо, 2024. — 864 с. : ил.

ISBN 978-5-04-199083-1

Без волшебных сказок Ганса Христиана Андерсена не может обойтись детство, пожалуй, ни одного ребенка. Его сказки обладают неповторимой атмосферой, а их герои знакомы каждому: это и отважная Герда, не побоявшаяся Снежной королевы, и нежная Элиза, готовая на все ради спасения братьев-лебедей, и хрупкая Дюймовочка, и стойкий оловянный солдатик... В удивительном мире Андерсена оживают даже самые обычные предметы: превращаясь в живых существ, они по ночам разговаривают, мирятся и ссорятся, стремятся к любви и счастью.

В этом подарочном издании с уникальным переплетом тесьмой собраны все сказки датского писателя в классическом переводе Анны и Петра Ганзен. Книга дополнена иллюстрациями датских художников XIX века Вильгельма Педерсена и Лоренца Фрюлиха, а также вступительной статьей о жизни Андерсена.

УДК 821.113.4-34
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-04-199083-1

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Великий сказочник

«Из тех, чье имя кончается на „сен“, никогда ничего не выйдет путного», — говорит одна из сказочных героинь Андерсена. Как это ни странно, но Ганс Христиан, мягко говоря, недолго любил свою фамилию. Для него она была постоянным напоминанием о нищете, беспородности и унижении, которое терпят люди из низших сословий. В Копенгагене, в музее Баккхаз, хранится страница из дневника Андерсена, где писатель убористым почерком вывел длинный столбец с именами знаменитых людей своего времени, чьи фамилии заканчивались на «сен»: Торвальдсен, Якобсен, Хансен, Йенсен и прочие... Этот листок был утешением... или подтверждением, что талантливые люди рождаются как в богатых, так и в бедных семьях.

Однако для большинства людей, окружавших Ганса Христиана, он был человеком невероятно амбициозным и тщеславным, которому удача улыбнулась еще в юности и не оставляла его ни на минуту. Ведь со стороны он казался действительно везунчиком, сумевшим подняться с самых низов общества до его вершины. Если верить английскому писателю Эдмунду Госсе, то «в середине XIX века Андерсен был самым знаменитым человеком во всей Европе». И хотя всю свою жизнь Андерсен совершенно осмысленно шел к славе и признанию, даже он вынужден был удивляться той метаморфозе, что с ним произошла: «Я приехал в Копенгаген оборванным нищим мальчишкой с жалкими пожитками под мышкой, и вот теперь я пью свой горячий шоколад за одним столом с королевой». Первое признание пришло к Андерсену после романа «Импровизатор», в котором он описал свое путешествие по Италии. Это произведение довольно быстро было переведено на несколько языков, ведь в ту пору не было лучшего чтива, чем заметки путешественника. Тем более что Андерсен вплел их в столь изящную и романтическую канву, что у читателей навораживались слезы. Казалось, Андерсен достиг, чего хотел. Однажды, когда он был еще мальчишкой, мать спросила у него: «Что же ты собираешься делать?» Андерсен ответил: «Я прослаблю твоё имя». Но славы было недостаточно. Он верил, что способен на большее, но найти это большее тогда не мог. В письме к своему ближайшему другу Эдварду Коллину он писал:

Портрет Ганса Христиана
Андерсена. Гравюра из книги
1896 года издания

«Даже у самого чистого и спокойного озера есть глубины, о которых не догадывается ни один ныряльщик».

Постоянное беспокойство, нервные срывы, желание сделать большее доставляли страдания не только Андерсену, но и его друзьям, которые вряд ли могли помочь писателю укрыться от собственных мыслей. Он не желал никого видеть, но и оставаться подолгу в одиночестве ему было невыносимо. Андерсену всюду чудились насмешки и издевательства. Ему казалось, что глумливый шепот, словно шлейф, тянется за ним сквозь всю его жизнь, из самого детства. «Он безумен так же, как и его дед» — эти слова, сказанные когда-то одной из девочек-соседей, навсегда остались в памяти писателя. «Если бы вы смогли заглянуть в самые недра моей души, вы бы поняли источник моего одиночества и пожалели меня», — писал Андерсен Эдварду Коллину.

Андерсен до самой старости оставался беззащитным ребенком, жаждавшим защиты и утешения. Его самый главный жизненный опыт был извлечен из детства. И именно детские ощущения стали основой его сказок. Мир фантазии и мир реальности для Андерсена всегда составляли единое целое. Он слышал голоса цветов и видел, как грустят старые дома. Приходя в гости к друзьям, у которых были дети, он неизменно становился центром их внимания, и волшебные истории, словно красочный фейерверк, вырывались на свободу, навстречу внимательным слушателям.

Многие из сказок, что были рассказаны детям, не дошли до наших дней. Андерсен их не записывал, считая, что посиделки с детьми — всего лишь шутка или развлечение. И только в 1836 году, когда писателю был 31 год, он решил выпустить первый сборник сказок, который так и называл «Сказки, рассказанные детям». Это была тоненькая брошюрка, в которую вошло всего четыре волшебных истории. Их оказалось достаточно, чтобы взорвать общество и заставить его говорить только о нем. Талантливый скульптор и тезка Андерсена Ганс Христиан Орстед, прочитав первый сборник сказок, сказал: «Благодаря „Импровизатору“ ты стал знаменит, а сказки сделают тебя бессмертным».

Ганс Христиан Андерсен читает сказки детям

Детство

В час ночи 2 апреля 1805 года, в бедном квартале датского города Оденсе появился на свет орущий комочек. Отец семейства старался больше времени проводить со своей женой и новорожденным сыном, читая Хольберга и поражаясь, как может это маленькое существо издавать столь пронзительные звуки. Когда мальчика крестили, священник заметил, что раз он так громко кричит, значит, будет хорошо петь. Так началась жизнь Ганса Христиана Андерсена. Дом, где провел свое детство будущий сказочник, стоял на Мюнкемёллештраде — одной из самых бедных улиц Оденсе начала XIX века. В левом крыле обитал шляпник с женой и троими детьми, посередине — перчаточник с большим потомством из шести человек, а слева — семейство башмачника Андерсена. Впрочем, для того времени такие коммуналки были обычным делом. И несмотря на то что Оденсе XIX века называли «маленьким Копенгагеном», до столицы ему было далеко. Расположенный на острове Фюн, он неохотно принимал плоды цивилизации и продолжал хранить обряды и традиции, о которых в столице уже успели забыть. Но зато здесь были свой епископ, кафедральный собор, театр и резиденция кронпринца. Дети из бедных районов бегали смотреть на богатые дома состоятельных горожан. И не только дети. Отец Ганса Христиана, кстати сказать, тоже Ганс Христиан, очарованный прекрасными садами благородных семейств, втайне мечтал о собственном доме с садом, в котором бы росли самые прекрасные розы. Он был человеком одаренным, с поистине поэтической душой. Кроме обуви он мог легко мастерить деревянные игрушки и нередко устраивал настоящие театральные представления. Позднее и маленький Андерсен подключился к отцовскому хобби. Вырезать из дерева Христиан так и не научился, но зато легко освоил бумагу и уже в зрелые годы мог обычный листок превратить в тончайший узор, что приводило в восторг слабый пол.

Мать будущего сказочника была женщиной доброй и набожной. Она любила шнапс, белые занавески и верила в привидения. В автобиографии «Сказка моей жизни» Андерсен писал о ее способности держать дом в чистоте. Ведь комната была и спальней, и столовой, и мастерской башмачника, и местом для забав маленького сына. От отца он унаследовал любовь к книгам, которые заменили ему товарищей по играм; от матери — глубокую веру. Но кроме этих двух близких ему людей были у Андерсена и другие учителя. Его старая бабушка постоянно повторяла: «Христиан такой умный мальчик... Он долго не проживет». Однако подобное убеждение вовсе не мешало старушке рассказывать внуку сказки и легенды, а также время от времени напоминать о том, что лучше бы ему, маленькому мальчику, держаться подальше от деда.

Андерс Хансен Траес — дед Андерсена — также умел вырезать из дерева, но его фигурки имели весьма странный вид. Головы с крыльями или полулюди-полузвери, а то и люди, и звери, и крылья, скроенные воедино. Он был душевнобольным и большую часть времени проводил дома, лишь иногда уходил в лес, откуда возвращался весь обвешанный цвета-

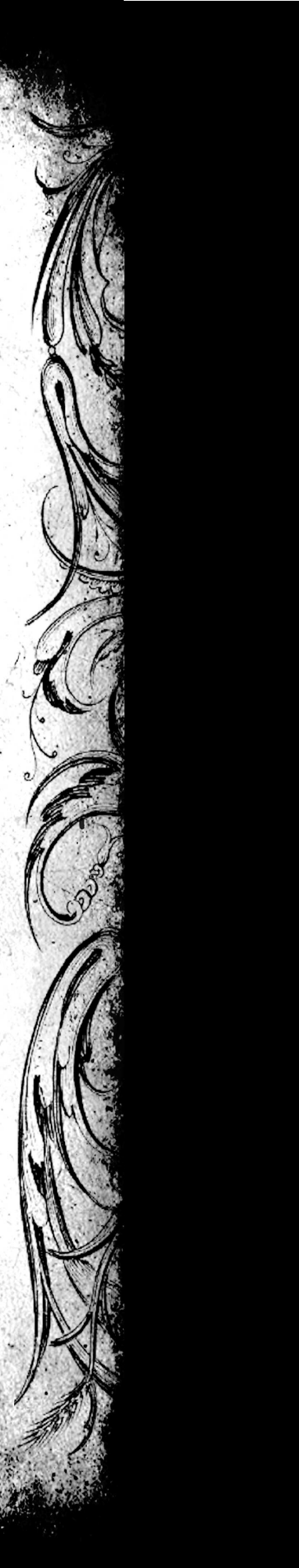

Дом Андерсена в Оденсе. Старинная гравюра

ми и ветками. Обычно он тонким голосом распевал песни, и свора мальчишек бежала за ним с дикими воплями. Даже тогда, в детстве, Андерсен чувствовал, что многое унаследовал от деда. Чувствовали это и окружающие. Нередко ему приходилось слышать насмешливые слова своих сверстников: «Ты такой же сумасшедший, как и твой дед». Но, видно, беспокойной была вся мужская ветвь Андерсенов.

В 1812 году отец Андерсена отправился на войну с Наполеоном. Романтик в душе, он всегда мечтал о путешествиях, и война, как ему казалось, давала возможность увидеть мир. Через четыре года отец вернулся, но свою силу и здоровье оставил на войне. Однажды вечером, когда у отца начался очередной приступ, мать отправила Христиана в деревню Эйбю, что в нескольких километрах от города. Дорога лежала вдоль реки (в городе поговаривали, что в ней живут души утопленников), через старую рощу к дому колдуньи. Знахарка жила в неприглядном месте в старом обшарпанном доме. Узнав причину визита, она посоветовала мальчику внимательнее смотреть в туман, когда будет возвращаться домой. Если он увидит там фигуру своего отца, значит, смерть уже постучалась в их дом. Андерсен ничего не увидел, а через два дня отца не стало. «Это был первый день в моей жизни, когда я узнал по-настоящему, что такое горе», — позднее вспоминал Андерсен. С этого дня вся жизнь будущего писателя изменилась.

Призраки прошлого

«Когда-нибудь ваш сын станет знаменитым, и Оденсе зажжет в его честь огни», — сказала прорицательница матери Андерсена, когда он был еще ребенком. Трудно сказать, чем руководствовалась пифия Оденсе, жалостью к мальчишке, над которым смеялся весь город, или действительно она смогла заглянуть в будущее, в 1867 год...

Именно тогда, будучи уже стариком, Ганс Христиан вновь приехал в родной Оденсе. Знаменитый писатель стоял у распахнутого окна городской ратуши. В небе сверкал фейерверк, а на глазах собравшихся под окном людей — слезы восторга. Этого момента Андерсен ждал всю жизнь, но в реальности триумф оказался совсем иным. «У меня ныл зуб, и потоки декабрьского ветра, что врывались в окно, делали боль невыносимой. Я смотрел на собравшихся внизу, слышал звуки торжественного гимна и думал только об одном: когда же, наконец, это все кончится и я уйду спать; прочь от хора, приветственных криков и этого холодного ветра, что приносит столько боли», — вспоминал Андерсен. Однако в ту декабрьскую ночь зубная боль была лишь началом куда более мучительных испытаний — испытаний памятью. Попав в город детства, 62-летний писатель будто заново прожил свою жизнь, те времена, когда после смерти отца он отказывался выходить на улицу и сидел дни напролет в крошечной комнатенке на Мюнкемёллештраде. Наступили тяжелые времена. Его мать для того, чтобы прокормить себя и сына, бралась за все, что только подворачивалось под руку. Но что более всего запомнилось самому Андерсену — это стирка. Мать часами простаивала по колено в воде, перестирывая белье господ. Особенно тяжело ей приходилось в зимние месяцы, когда мокрую юбку сковывал мороз, волосы превращались в сосульки, а посиневшие руки продолжали бить и полоскать белье. В те годы мать больше уж не пила свой любимый шнапс, его заменил более эффективный джин. Позднее Андерсен посвятил ей рассказ «Пропащая», где описал, как ему, мальчишке, приходилось выслушивать от сердобольных соседюшек упрёки в адрес матери: «Ты славный мальчик. Мать, верно, полощет белье на реке, а ты тащишь ей чем подкрепиться? Сколько у тебя там — полкосушки?.. Скажи своей матери, что стыдно ей. Да смотри сам не сделайся пьяницей... Впрочем, что и говорить: конечно, сделаешься! Бедный ребенок». И шансы пристраститься к спиртному у Христиана были. Ведь и ему надо было согреться. Так и грелись: пару глотков выпивала мать, один — сын. Он знал, что она не читает книг, не ищет в жизни большего, чем дано, постоянно зовет в дом предсказательниц и знахарок. Но она любила его, и она была его матерью. «Я работаю сколько хватает сил... Да пусть, только бы удалось вывести в люди тебя, мой голубчик».

Холодный ветер бил в стекло. Знаменитый Ганс Христиан сидел, поджав ноги, и все глубже и глубже уходил в воспоминания детства. Зубная боль утихла, но сердце щемило так, что казалось, оно вот-вот разорвется на части. В окне темным силуэтом устремлялся в небо собор Святого Кнуда. Церковь, с которой так много всего было связано. Он знал ее с самого рождения, в ней он пел в церковном хоре, и сюда раз в неделю мать водила его на воскресные проповеди. А в дальнем крыле Святого Кнуда (оно скрывалось за башней) располагалась приходская школа. Андерсен все еще помнил хлесткие удары учительской указки...

Он никогда не был прилежным учеником, не учил уроков, не пытался постичь сложную математику и заковыристую грамматику. По дороге в школу он бегло прочитывал заданное, и этого ему казалось достаточно. Андерсен так и не научился писать без ошибок. И учитель столь не-

Собор Святого Кнуда. 1930 год

истово работал указкой, вколачивая науку в пальцы будущего писателя, что мальчик не мог держать перо. Мать сжалась над ребенком и перевела его в еврейскую школу, где, как было известно, детей не наказывали. Кроме умного преподавателя в новой школе Андерсен обрел друга. Ее звали Сара. Изящная девочка была единственным ребенком, считавшим, что Христиан милый. Однажды она поцеловала его в щеку и сказала, что, когда вырастет, станет его женой. В благодарность за ее любовь Андерсен рассказал Саре свою самую страшную тайну: «На самом деле я из благородной семьи. Вот увидишь, когда-нибудь передо мной будут снимать шляпу...» Сара рассмеялась и многозначительно покрутила пальцем у виска. Дружба кончилась, и свадьбы не случилось, но память о Саре осталась на всю жизнь. И знаменитая привычка Андерсена носить в петлице цветок была воспоминанием об очаровательной Саре, которая когда-то подарила ему белую розу.

Здание еврейской школы все еще стоит на одной из улиц старого Оденсе, и обветшалая табличка скромно возвещает прохожим о том, что в ней когда-то учился великий сказочник.

Мать не сильно ругала сына за нерадивость в учении, ведь она прочла ему совсем иное будущее. Практичная женщина знала, что прокормить себя и свою семью может лишь тот, кто умеет работать руками. И в один из будничных дней бабушка Христиана взяла его с собой на швейную фабрику. Путь был недалеким, всего каких-нибудь двести метров. Первый день работы показался Христиану подарком судьбы. Знакомые его бабушки, знавшие о певческом таланте мальчика, попросили его спеть. Чистое и звонкое сопрано так контрастировало с нелепой внешностью Христиана, что не обратить на ребенка внимания могли только глухие да

слепые. В восторг пришли даже неотесанные немцы, их, как правило, нанимали на самую грязную работу, как временщиков. Но вслед за успехом пришло горькое разочарование в людях. На следующий день наемники принялись смеяться над его тонким голоском. Кто-то предложил проверить, а не девочка ли этот долговязый паренек. С Андерсена стянули штаны и под общий гогот проверили... «Мне было так стыдно, что я залился краской и что есть сил кинулся домой... Больше мать не отправляла меня на эту фабрику».

После этого события Андерсен окончательно ушел в себя. Его лучшими друзьями стали деревянные куклы, сделанные когда-то отцом. Он шил им платья, придумывал для них смешные и грустные истории, в которых куклы оживали. Забавно, но Андерсену не хотелось, чтобы его принцы и принцессы говорили на датском языке. Для своих героев он придумал новый язык, некую помесь датского, немецкого, английского и французского. «В ту пору я был очень одинок, но, играя в мой маленький театр, я чувствовал себя по-настоящему счастливым». Андерсен хорошо помнил своего старого толстого кота Карла, который был единственным свидетелем его игр. Он же был слушателем его первых сказок. Карл всем был хорош, но имел один недостаток — быстро засыпал. Тогда одну из придуманных историй Христиан рассказал соседке фрекен Шенк из дома 5 на Мюнкемёллештраде. Та внимательно выслушала мальчика, но лишь посмеялась над его увлечением, заметив, что рассказывать байки удел старух в богадельне. Дальше пошел ее сын Готфред Шенк. Прознав об увлечении Андерсена, он дразнил соседа «писателем пьес» и при каждом удобном случае колол его почем зря...

Буря стихла, и промерзшие ветви, устав раскачиваться под песню ветра, застыли в мертвой тишине. И этот родной спящий город, который всего несколько часов назад так старался выплеснуть на него свою любовь, снова оставил писателя в одиночестве. Странно, что единственное знакомое лицо, которое встретил Андерсен среди ликующей толпы, было лицо Готфреда Шенка. Он стал довольно полным мужчиной, главой семейства. Его одежда была поношенной и выглядела неопрятно. Неужели это тот забияка, который так любил избивать своего долговязого соседа? Ганс Христиан дал ему один риксдалер (это примерно 200 крон) и почувствовал, что ему неловко смотреть в глаза этому несчастному человеку. Если посчитать, сколько раз после смерти отца Андерсен улыбался, то получалось совсем немного, но все-таки был момент, когда он мог сказать — я самый счастливый человек в мире.

Это произошло в июне 1818 года. Андерсен исполнилось 13 лет, и он чувствовал себя исключительным, как, впрочем, многие дети этого возраста. Он уже мечтал о театре и представлял себя знаменитым актером. И вдруг в город приехала труппа королевского театра из Копенгагена. Андерсен крутился возле театра Оденсе, пытаясь всеми правдами и неправдами пробраться за кулисы. Он был столь настырен, что в конце концов разносчик афиш пообещал Андерсену провести его за сцену. Мечта сбылась, он оказался в мире иллюзий и надежд. Долговязого, неуклюжего мальчишку трудно было не заме-

тять среди разряженной актерской братии. Тем более что он довольно скоро оказался очень даже полезным. Капризные актрисы легко нашли в нем исполнителя любых желаний, а самовлюбленные столичные светила — восторженного слушателя разных побасенок. Но Андерсену нужно было больше. Он хотел на сцену. Хотел петь, танцевать, в общем, играть эту ненастоящую, но такую праздничную жизнь. Ему повезло, заболел кто-то из второстепенных актеров, и Христиан вышел на сцену.

«Я надел мой красный шелковый костюм, вышел на сцену и сказал несколько слов, что мне полагалось. Я искренне верил, что в этот момент весь зал смотрит только на меня». Это была незначительная роль в легкомысленной оперетте, и все-таки это был успех. Только одно событие омрачило первый успех. Мать Андерсена, не в силах более выносить тяготы нищеты, решила снова выйти замуж. Ее избранник имел дочь, ремесло башмачника и скверный характер. С отчимом Андерсен не ладил. Испортились и отношения с матерью, которую он ревновал к приемной сестре Карен Мари.

«У меня в те годы появилась привычка сидеть подолгу у реки и наблюдать за работой мельничного колеса. Когда на Оденсе опускался вечер, я начинал петь мои импровизации. Я перекладывал на музыку любые истории, которые приходили мне в голову». Скоро о привычке Андерсена узнал весь город. Многие люди приходили к реке, чтобы его послушать. А благородные семейства приглашали его к себе в дом. «Маленький соловей с острова Фюн» прозвали его первые поклонники. Так к Андерсену пришла первая известность. О нем заговорили как о провинциальном самородке. Что еще было надо мальчишке, мечтавшем о славе? Денег, чтобы добраться до Копенгагена. Ведь Оденсе был слишком мал для его таланта.

2 сентября 1819 года Андерсен получил свой первый гонорар. Он выступил в доме священника. «Мы собрались в круглой комнате, и этот маленький джентльмен на протяжении двух часов импровизировал и играл сцены из разных пьес. Мы были в восторге, но порой, когда юноша принимался исполнять роли любовников, нам не хватало воздуха от смеха. Так неуклюже он становился на колени, вытягивая свои длинные ступни», — вспоминала одна из дам, видевшая выступление. Как бы там ни было, но уже через полгода Андерсен собрал 13 риксдалеров и в придачу получил рекомендательное письмо к ведущей балерине королевского театра Анне Маргарете Шелл.

В солнечный полдень 4 сентября 1819 года он уже сидел в почтовом дилижансе, готовый покорять мир. «Он вернется, как только увидит бушующее море», — говорила мать Андерсена. Она была уверена, что 14-летний мальчик не осмелится на столь долгое путешествие. Ведь Андерсену предстоял путь не просто в другой город, а на другой остров, на Зеландию, именно там находился город его мечты — Копенгаген.

Мать ошиблась. Ганс Христиан вернулся в Оденсе лишь через 50 лет. И это возвращение принесло ему столько боли и страданий, что, не выдержав и недели, он снова покинул его, уже навсегда.

Большой город

Сегодня, чтобы добраться из Оденсе в Копенгаген, потребуется чуть более четырех часов. Но в начале XIX века такая поездка занимала минимум два дня. Люди состоятельные могли превратить ее в приятное путешествие, прочие же довольствовались почтовыми дилижансами, в которые набивалось до пяти человек. В тесном трясущемся помещении шуршали дамские платья, слышался плач детей, благоухали ароматы из котомок со съестными припасами, а жесткое сиденье напоминало о кочках и ухабах под колесами. Усевшись в углу одного из таких дилижансов, Ганс Христиан Андерсен начал свое путешествие в столицу. На первой же остановке в Ньюборге он почувствовал себя самым одиноким и несчастным человеком на свете. И дело было не столько в дорожных неудобствах, сколько в щемящем чувстве голода и ощущении, что он достиг конца света. Ведь Ньюборг с давних пор считался воротами в другой мир. Это была крайняя точка острова Фюн. Впереди черной массой волновалось море, отделявшее Фюн от Зеландии — острова, на котором стоит Копенгаген.

Теперь между этими двумя островами протянулся мост, но в начале XIX века о нем не было и речи, так что всякому путешественнику приходилось иметь дело с капризной стихией. Надо сказать, что с морской болезнью в те времена боролись весьма своеобразными способами. Некоторые, например, оборачивали ноги и живот пергаментной бумагой, считалось, что это помогает. Другие всю дорогу жевали лимон или клали под язык мускатный орех. Андерсен за свое недолгое морское путешествие вдоволь насмотрелся на людские причуды. Особенно ему запомнилась одна гувернантка, обвязавшая шерстяной ниткой левое запястье... Но 14-летнего Христиана морской недуг не беспокоил, куда страшнее было созерцать строптивую синеву. Ему казалось, что он плывет над дворцом морского царя, который непременно хочет потопить суденышко. И может статься, одна из царских дочерей сжалится над ним и не даст утонуть...

Сырой туман, поглотивший последние лучи солнца, сомкнулся у кормы, и лишь тусклый свет фонаря освещал ближние канаты... Ночь сморила море и обитателей судна, а утро следующего дня встретило путников в городе Корсор. «Я стоял в стороне и жевал хлеб, что приготовила мне в дорогу мать. Прочие пассажиры не обращали на меня внимания. И мне было очень одиноко... Но вот возничий протрубил в рожок, и мы тронулись в путь». Почтовый дилижанс затрясся по дорогам Зеландии, устремляясь на северо-запад к Фредериксбергу. В ту пору это была единственная дорога — дорога Роскильде. Так что всякий, кто держал путь на Копенгаген, обязательно оказывался и в Фредериксберге. Здесь же рано утром 6 сентября 1819 года остановился дилижанс Андерсена. Для мальчика это был конечный пункт. Заплатив три риксдалера, он покинул карету и двинулся в город, главной достопримечательностью которого был прекрасный замок — летняя резиденция датских королей. Замок стоял на холме в окружении садов, парков и каналов. В летние месяцы сюда приезжало множество людей, чтобы полюбоваться белой лодкой короля Фредерика VI — любителя водных прогулок и восторженных

Копенгаген. 1890–1900 годы.

зрителей. Но час стоял ранний, и его величество еще не выплыли. Так что парки и сады пустовали, зато за пределами королевских владений жизнь была ключом. Торговцы, купцы, скупщики краденого и прочий люд толпились у ворот замка, собираясь направиться в столицу. К этой пестрой компании и примкнул юный путешественник.

«Если бы перед ним открылся город с домами из мрамора и дворцами из прозрачного стекла, он бы не удивился... он был готов ко всему, но увидел совсем не то, что ожидал», — писал Андерсен в автобиографическом романе «Всего лишь скрипач». Город не просто восхитил — он поразили Христиана.

Копенгаген начала XIX века был весьма невелик и все еще сохранял черты города-крепости, окруженного оборонительными рвами. Четверо ворот вело в его недра, и все они на ночь запирались. Говорили, что прежде, до 1808 года, ключи отдавали королю, и его величество клали их под подушку. Ганс Христиан Андерсен вошел в город через Западные ворота и сразу попал в водоворот столичной жизни. «По узким улочкам с шумом катили кареты и экипажи, люди шумели и кричали, мужчины и женщины, разодетые, как господа, проходили мимо друг друга, не здороваясь», — вспоминал позднее сказочник. Копенгаген был исчерчен каналами, и всюду виднелись корабельные мачты. Их было так много, что город походил на игольную подушку. Дома тесно липли друг к другу, соревнуясь в изысканности. Но все эти прекрасные особняки были не для Андерсена. Дорогой Христиан узнал, что бедному чужаку лучше всего было бы остановиться на Вестергаде — узкой, невзрачной улице, застроенной уютными, доходными домами и дешевыми гостиницами, в одной из которых он и остановился, взяв комнатку с видом на осколок кирпичной стены. Впрочем, убогий пейзаж сполна заменяла богатая палитра уличных звуков. «Город точно лихорадило. Казалось, все жители вышли

на улицу и принялись голосить. Шум и грохот были такими, что закладывало уши. И мне казалось, что все это признаки большого города», — записал Андерсен в одном из дневников. Наивный мальчишка из сонного Оденсе был в восторге, он даже не заметил, какую жуткую вонь источают столь восхитившие его каналы. Андерсен приехал в Копенгаген завоевывать мир и принялся за это нелегкое дело сразу же по прибытии.

Кинув вещи в гостинице, Христиан первым делом справился, где находится театр. На такой простой вопрос не ответил бы разве что немой. Ведь это был золотой век копенгагенского театра. Время, когда главными героями салонов и салонных разговоров становились актеры и драматурги. Об актрисах и танцовщицах кричали разносчики газет, о них шептались в кабаках и на грязных улочках, в том числе и на Вестергаде. Так что в придачу к адресу Христиан получил массу информации о том, кто блистал накануне и чей кошелек отошел в пользу примы-балерины. Услышав имя знаменитый танцовщицы Анны Шелл, Андерсен вспомнил о рекомендательном письме к ней, но не стал спешить с визитом, решив сперва ознакомиться с театром.

Величественное здание возвышалось на углу Конгенс Нюторв — Новой Королевской площади. И сегодня копенгагенцы гордятся правильностью его линий и изысканностью форм. Что же говорить о тех временах? Это был настоящий храм искусства. В общем, Андерсен не разочаровался в своем выборе, и дело оставалось за малым — войти в этот храм. Ему было все равно, в каком качестве: певцом, танцором, драматическим актером или автором пьес. Но поскольку рекомендательное письмо было адресовано балерине, то, как решил сам Христиан, правильнее всего было выбрать карьеру танцора.

Дом Анны Маргареты Шелл стоял на одной из самых приятных улиц Копенгагена, на Бредгаде. Свою привлекательность улица не утратила и по сей день. Но существенное изменение в ее облик внесли многочисленные витрины магазинов, которые расположились в старых домах, вытеснив актерскую братию. Ведь Бредгаде располагается неподалеку от театра, и во все времена основными ее обитателями были люди искусства. Балерина Шелл жила в узком строении под номером 19. Однажды утром в ее гостиную явился молодой человек в огромных башмаках, которые при каждом шаге издавали протяжный стон. Это был Андерсен. Беднягу с самого начала ждало разочарование. Рекомендательное письмо, что так услужливо написал ему один из оденских деятелей, оказалось фальшивкой. Мадам Шелл слыхом не слыхивала ни о каком Иверсене, но любезно согласилась принять странного юношу, о чем тут же горько пожалела. С провинциальной непосредственностью Андерсен скинул скрипучие ботинки и торжественно отнес их в угол гостиной. Затем последовало представление. Он пел, читал сцены, пытался музицировать... Но когда дело дошло до танца с тамбурином, терпение мадам Шелл лопнуло, и она попросила юное дарование немедленно покинуть дом. Эта неудача ничуть не смутила Андерсена. Он был уверен, что рожден для театра, просто дама не увидела его талант. И юноша недолго думая отправился к директору Королевского театра, дабы тот позаботился о его будущем. «Молодой человек, вы слишком тощий для теат-

Королевский театр в Копенгагене. 1890–1900 годы

ра», — заявил директор, смерив долговязое тело Христиана презрительным взглядом. «Но если вы одолжите мне хотя бы сотню риксдаллеров, я быстро поправлюсь», — выпалил Христиан и был не прав. Директор раздосадовался и прогнал нахала.

Андерсен все-таки попал в театр, но только в качестве зрителя. На билет он потратил все свои сбережения, и после представления в его кармане лежал всего один риксдаллер, который вскоре был уплачен за номер в гостинице. Христиан остался без денег и без жилья. Казалось, выход один — вернуться обратно в Оденсе...

Копенгаген XIX века

Копенгаген начала XIX века был далеко не самым передовым городом. В то время как улицы Лондона уже освещались газовыми фонарями, столица Дании все еще утопала в мутном сиянии масляных светильников. А в лунные ночи по решению городского совета выключали и их, в целях экономии. Вот когда начиналось раздолье для охотников за запоздалыми прохожими, среди которых блуждал и Ганс Христиан Андерсен. Правда, вид будущего сказочника был малопритягателен для воров и преступников. Его ботинки прохудились, и отцовское пальто охотно подставляло дыры навстречу промозглому ветру. Юноша с любопытством заглядывал в окна дорогих домов.

Там за тяжелыми гардинами смеялись и музицировали, ели отменные кушанья и пили ароматные вина. Казалось, что эти люди живут совсем в другом городе и не знают, что на старой рыночной площади Гаммельторв зарезали торговку рыбой за то, что она якобы кого-то обвесила. А у водяной колонки подрались два здоровяка, не поделив очередь. Владельцы роскошных домов жили в другом мире. Мире, где рыба не воняет, а пахнет; где вместо мокрой картонки мягкая постель; где дымится утренний кофе и из булочки вытекает повидло. Христиан бредил этим

миром. Он был уверен, что рожден для него, но надежды Андерсена рушились. Он ехал в город-праздник, а оказался в городе-призраке. Он мечтал о Королевском театре, но прима-балерина выгнала его взащей. Юноше впору было отчаяться и вернуться в свой родной Оденсе, но не таков был характер у Андерсена. С настойчивостью провинциала он пробивал себе дорогу в театр. И поскольку Христиан был абсолютно уверен в своей исключительности и всесторонней одаренности, проблема с балериной казалась лишь незначительной преградой на пути к сцене. «В конце концов совершенно необязательно быть танцором, если ты имеешь замечательный голос, которого, кстати, никто из знаменитых копенгагенцев еще не слышал». Рассудив таким образом, юный Христиан отправился демонстрировать свое сопрано к профессору Сибони.

Мелкий дождь моросил по брусчатке, тыкался в лицо и длинными каплями вис на носу. Промокший и озябший Христиан стоял на улице Вингардсстраде у дома номер 5. Особняк синьора Джузеппе Сибони светился окнами. Наверху хлопнула фрамуга, выпустив звуки залиvistого смеха. Профессор Королевской консерватории давал званый ужин, и Андерсену было как-то неловко врываться на чужой праздник. Но дождь становился сильнее, ветер дул крепче и деваться было некуда. Набравшись храбрости, Христиан решительно дернул колокольчик. Трудно сказать, что ему помогло. То ли служанка была не в силах выслушивать от странного незнакомца всю историю его жизни, а именно с этого начал Христиан, то ли гости устали сами себя веселить, то ли звезды как-то особенно сошлись над головой юноши, но его пригласили в дом.

«Маленький соловей с острова Фюн» развлекал гостей Сибони весь оставшийся вечер. Собравшиеся были довольны. Этот нелепый парень мог заставить смеяться кого угодно. Конечно, большинство из зрителей просто потешались над ним, а Христиану казалось, что это настоящий успех. На самом деле это и был успех. Среди гостей присутствовал известный композитор того времени господин Вейсе. «Уверю вас, господа, когда-нибудь из этого мальчика выйдет толк», — сказал он и шумно заплотировал юному дарованию. Вейсе был единственным, кто отнесся к Христиану серьезно, ведь он сам приехал в Копенгаген без гроша и пробился в люди благодаря таланту и, как говорится, добрым людям. Когда вечер закончился, служанка, провожая Андерсена, сообщила ему адрес Вейсе и время для визита.

Вейсе не имел собственного дома. Он снимал апартаменты. По словам Андерсена, его комнаты не отличались особой роскошью, но были уютны. Он жил на Кронпринцгаде и имел удовольствие любоваться королевским садом из окна собственного дома. Андерсен искренне позавидовал этому человеку, ведь он жил рядом с Розенбергом — розовым замком его королевского величества.

«Вы будете получать талоны на обед и ежемесячное пособие в размере 10 риксдалеров, — сообщил композитор юноше. — Кроме того, вам необходимо выучить немецкий: профессор Сибони, итальянец по происхождению, плохо владеет датским. Он будет давать вам уроки вокала. Также побеспокойтесь о жилье, вашего пособия должно хватить на недорогую комнату». Новая жизнь началась. Андерсен снял комнату у вдо-

вы Торгсен. Она жила в пяти шагах от особняка Сибони, и это было удобно, если не считать, конечно, что комната Андерсена была чуланом без окон, без света, без тепла. «Чтобы заснуть, я сворачивался калачиком и дышал в ладони. Мне казалось, что из моего рта идет пар, будто я сплю на улице... Зато утром я оказывался в прекрасных покоях Сибони...» — писал Андерсен в своем дневнике.

Занятия вокалом были по душе Христиану, но вот беда, характер итальянца Сибони оставлял желать лучшего. «Порой, когда профессор приходил в ярость, я так пугался, что начинал дрожать всем телом, мой голос срывался, а по щекам текли слезы», — вспоминал сказочник об уроках с Сибони. «Раздосадованный синьор Жузеппе прогонял меня прочь, а через минуту звал обратно и в знак примирения дарил мне монету». Надо сказать, что в отличие от Андерсена, который к своим занятиям относился со всей серьезностью, Сибони просто жалел паренька. Он прекрасно знал, что такое мальчишеское сопрано. «Как только начнется ломка голоса, нежные звуки превратятся в криканье», — отвечал он на похвальные речи композитора Вейсе. Так и случилось. Христиан потерял голос, и холеричный итальянец прогнал его прочь. Позднее, рассказывая о том поражении, Андерсен вспоминал старинную датскую песню о соловье, который пел для розы, но налетел на шипы.

Но, несмотря на отчаяние, Андерсен и не думал возвращаться в Оденсе. «Если я не стану знаменитым, то и жить незачем», — писал сказочник в автобиографическом романе «Всего лишь скрипач». Что ж, судьба благоволила к Христиану, и он все-таки вышел на сцену Королевского театра. Это случилось год спустя, когда юноша познакомился с ведущим танцором Копенгагена того времени Огюстом Бурновиллем. Нежный Огюст вызвался обучить Андерсена балету. Дело шло плохо. «Как такое гибкое тело может быть таким неуклюжим?» — удивлялся Бурновилль. Тем не менее Христиан постиг науку пластики и получил очень характерную роль тролля. «Из вас получится превосходный комедийный актер!» — уверяли Христиана артисты театра. Но такое будущее было не для него. Над Андерсеном слишком много смеялись в детстве, и выбрать сознательно профессию шута он не мог, да и не хотел. Тем не менее афишу со своим именем хранил до конца дней. И позднее, уже будучи известным писателем, вспоминал, как засыпал с этим клочком бумаги под подушкой.

Меланхоличный и замкнутый молодой человек решил испытать последнее средство, чтобы заявить о себе всерьез. Ведь изначально он наметил себе три пути в театр: танцы, вокал и драма. Первые два этапа были пройдены, и о них не стоило вспоминать, оставалось последнее — писать пьесы. И Андерсен начал писать.

Только ленивый не смеялся над его литературными изысками. Тем более что Христиан декламировал свои произведения везде где придется. «Помните, моя дорогая, того юношу, что выступал у нас? — писала в письме к подруге одна из землячек Андерсена. — Он теперь тоже в Копенгагене. Пишет пьесы. Большой чепухи я в жизни не слышала. Но он такой неуклюжий и смешной, что его охотно зовут в дома и просят прочесть что-нибудь свое». Вероятнее всего, Андерсен догадывался, что над ним потешаются. В романе «Всего лишь скрипач» в речь матроса он вложил весьма жесткие

слова, обращенные к себе самому: «Они же над тобой смеются, глупец. И зачем ты туда шляешься? Записался в придворные шуты?»

Но такова была цена за возможность стать знаменитым в большом городе. И Андерсен готов был ее заплатить. Он умышленно выбрал роль шута в жизни, а не на сцене.

Путешествия

Великий сказочник Ганс Христиан Андерсен очень любил фотографироваться. И множество портретов, сохранившихся до наших дней, яркое тому доказательство. Эта страсть писателя многим казалась забавной, ведь ни красотой, ни грацией Христиан не блистал. «Он был очень худым, высоким и не то чтобы некрасивым, а каким-то тусклым, на всем его лице хорошо угадывался только нос. Он был доминантой, которая затмевала и серые глаза, и хорошо очерченный рот», — описывал Андерсена его друг Эдвард Коллин. Но Христиан охотно позировал фотографам, выставляя напоказ свои душевные мытарства. В его портретах трудно увидеть человека, довольного своей судьбой, а ведь ему могли бы позавидовать очень многие.

Он начал писать и уже в 1827 году смог заявить о себе как о поэте. Его поэма «Умиравший ребенок» на шумела больше за рубежом, чем в самой Дании, так как перевел и издал ее один немец, проникнувшийся темой и настроением. Но и датчане не остались в стороне, за Андерсеном прочно закрепилось звание талантливого юноши.

Спустя два года состоялся прозаический дебют «Прогулки от Хольмен-канала до восточного мыса острова Амагер». Фантастическая повесть, выполненная в духе Гофмана, вызвала резонанс в обществе. «У вас прекрасный дар — находить жемчуг в сточных канавах. Берегите его», — отозвался о способностях юноши поэт Ингеман. Оборванец с острова Фюн теперь был вхож в лучшие дома Копенгагена. Он был желанным гостем у Колинов — почтенного семейства, принимавшего известнейших людей города. Частенько навещался на вечера искусств в дом Райбеков. И те и другие принимали в его судьбе активное участие, желая обучить юношу манерам, стилю и дать ему образование. «Как он смешно кланяется! Хорошо, конечно, заботиться об образовании ума, но не надо пренебрегать и манерами! На это обращают в свете большое внимание...» — эти слова, произнесенные когда-то одной из великосветских девиц, навсегда остались в памяти Андерсена, и позднее он вложил их в уста героини из романа «Импровизатор». Подобные шпильки со стороны слабого пола больно кололи самолюбие Христиана. «Одна благородная дама вызвалась просматривать мои стихи и требовала от меня, чтобы я доставлял ей их переписанными на бумаге с большими полями для пометок. Ей мнилось, что она великий критик...» Еще хуже были попреки мужчин, которые и мысли не допускали, что провинциальный юноша может хоть в чем-то смыслить больше. Но Христиан вырос и не желал более во всем подчиняться своим благодетелям. Ему хотелось вырваться из тесного круга светских манер и назидательных речей. Он мечтал увидеть мир.